

*Наталья Медведева,
пионервожатая Воздвиженской школы*

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО. НИКТО НЕ ЗАБЫТ

Есть в станице Воздвиженской памятник. На высоком постаменте стоит воин. Красное знамя склонилось к фамилиям погибших. Горит вечный огонь.

Здесь покоится прах казнённых фашистами и предателями-палачами коммунистов, комсомольцев и пионеров в августе 1942г.:

ВДОВЕНКО МАКСИМ СЕРГЕЕВИЧ – член КПСС с 1933 года, воевавший в партизанском отряде;

ГОЛОВИНА МАРИЯ ИВАНОВНА – участник Гражданской войны, председатель сельского совета колхоза «Красных партизан» с 1933 года, член партии КПСС.

Их выдали и замучили полицаи, бывшие кулаки, озлобленные на Советскую власть. Их били прикладами по головам, положила тела на бассейн, потом полуживых бросили в бассейн и забросали кирпичами. А кровь на стенках бассейна затёрли травой. Долго не разрешали людям подходить к бассейну, грозили за это расстрелом. Вместе с ними в эту ночь был замучен цыган, фамилия его неизвестна. Никто до этой ночи не видел его в станице.

Они не совершали великих подвигов, их убили из-за ненависти за то, что они были советскими людьми.

Здесь же похоронены:

КОЛЯ ЗАГЛОДИН, КОЛЯ СЕРГИЕНКО, САША ЗАМЛЯНУХИН, ВАСЯ ФЕДОРЕНКО, МАРУСЯ СИМОНОВА, САША ПОЛУХИН, КОЛЯ ФЕДОРЕНКО.

Эти пионеры и комсомольцы Воздвиженской школы. Они не знали слова война. Для них 15-17-летних ярко светило солнце, зеленела трава и звонко пели птицы. Они все были художниками, хотя не все умели рисовать. Они все сочиняли стихи, хотя не были поэтами. Они могли звонко смеяться, искренне восторгаться красивым, горько плакать от обиды.

Ребята с улицы Набережной просто не задумывались, счастливы ли они. Они жили, как все мальчишки и девчонки. Ходили в школу, носили красные галстуки, вступили в комсомол. Они дружили: Коля Заглодин с Митей Свиридиным, Митя Сергиенко с Сашей Землянухиным, Ваня Полухин с младшими братьями Мити – Павликом и Колей. Дружили они все вместе.

Летом с удовольствием шагали по горячей пыли, которая обжигала босые ноги, скатывались к Лабе с обрывистого берега. Часами могли лежать на песке и смотреть на воду.

Саша Землянухин брал с собой краски, бумагу и рисовал Лабу. В синей воде жёлтой лентой плавилось солнце. Потом показывал рисунок ребятам. Те говорили: «Похоже». Хотя закат был слишком оранжевый, вода слишком синей для мутной горной реки, а вербы на берегу немного смахивали на пальмы. За рекой – новый мир – лес. Ребята отважились забираться в густые тёмные заросли, но больше всего они любили яркие, словно солнечные пятна, лесные поляны. Здесь можно было лежать и слушать, как шумит лес. Он поёт свою песню, то ласковую, то тревожную...

И вдруг прокатилось грозное слово «война».

Закаты были по-прежнему красивы, но Саша их уже не рисовал. Казалось, что там, на Западе, небо было красным от пожара. Кончилось детство, отцы уходили на

фронт. Вместе с женщинами ребята трудились в поле. Матери теперь обращались к ним за советом. Шёл август грозного 1942 года.

Все ближе грохотали орудия. Война была рядом. Внезапно она вошла в станицу Воздвиженскую.

Вздрагивали турлучные стены хат. И каждый раз вздрагивала мать и дети в семье Сергиенко. Мити дома не было. Он был там, где стучала пулемётная очередь. Подавал бойцам пить. И те, взяв кружку, припадали к ней потрескивающими губами. Комья земли с высокими пшеничными стеблями взлетали в воздух и переворачивались. Стебли ломались, а колосья вылезали из-под комьев земли, они хотели жить.

Митя совсем оглох от грохота. Он подносил снаряды, оттаскивал раненых. И всё время он был уверен, что немцев отгонят; он не мог представить, что по станице пройдут чужие, враги.

Но был дан приказ – отступить, переправляться через Лабу в лес.

– Лодки есть? – обратился к Мите усталый, запыханный командир.

– Да! Ребята с нашей улицы помогут найти.

– Будем переправляться вплавь, а лодки – для раненых. Действуйте!

И Митя помчался по станице. Как быстрее собрать ребят? Запыхавшись, вбежал в свою хату. Мать бросилась к нему.

– Где ты мотаешься, убьют же!

Митя отстранил мать.

– Павлик, беги к Кольке и Вальке Федоренко. Скажи, пусть мчатся на хоздвор, запрягают лошадей, будем перевозить раненых. Отступают наши.

Павлик молча встал, встал и Коля.

– Я тоже пойду.

Мать загородила дорогу ребятам.

– Никуда не пойдете, не пущу!

Обычно послушные матери сыновья на этот раз слушали старшего брата.

Павлик и Коля проскользнули в дверь. Митя вышел из хаты. Во дворе он оглянулся: мать уже не пыталась остановить сыновей, она стояла на пороге и плакала. Мите стало жалко мать, он хотел ей что-то крикнуть, но в это время взрывной волной захлопнуло дверь. Своего друга Сашу Землянухина он застал дома.

– Саша, забирай Колю Заглодина и – на бригадный двор.

Там уже две лошади были запряжены в бедарки. Ребята ждали дальнейших распоряжений. Митя был всех старше, ему исполнилось 18 лет. Ребята уважали умного, молчаливого паренька и исполняли всё, что он приказывал.

– Павлик Сергиенко, Коля Федоренко и Коля Сергиенко будут перевозить за нашим садом. Возьмите нашу лодку. На лодке Заглодиных перевозят раненых Митя Свиридов, Ваня Полухин, Коля Заглодин и я.

Перестрелка уже шла в станице. Красноармейцы уже перебрались за Лабу, оттуда били миномёты. Испуганные лошади, слыша выстрелы, шарахались в сторону, врезались в изгороди и мчались так, что и сильным мальчишеским рукам было трудно удержать их. Казалось, у реки лошади не остановятся и сорвутся с обрыва.

Немцы уже были в станице. Ребята помогли переправиться через реку последним раненым и садами и огородами пробирались домой. По всей станице лаяли собаки.

Вечером в станице стало необыкновенно тихо. Света не зажигали, сидели молча в хатах и тревожно прислушивались к тишине.

На следующий вечер Коля Заглодин попросился у матери:

– Я к Саше Землянухину схожу. Немцы вечером по нашей улице не ходят, боятся. Лаба и лес рядом.

Мать разрешила. Через полчаса все ребята собрались под обрывом у Лабы. Друзья опять были вместе, дружно пожали руки. Вместе они себя чувствовали сильнее. Под обрывом и в лесу – они хозяева. Ни один немец не осмелится появиться здесь, особенно ночью. А ночь была такая же, как и до войны: мягкая, бархатная. Звёзды словно любовались своей красотой, равнодушные ко всему, что происходит на Земле. Все так же шумела Лаба. Ребята разделись и выкупались.

– За станицей осталось много оружия, – сказал Митя, – надо его собрать, пригодится.

Каждый вечер по берегу реки ребята стали выходить на израненные поля, бахчи. Станица мрачно чернела вдаль. Там в тени спали хаты, нахлобучив крыши-шапки на тёмные глазницы окон. В поле было светлее, чем в станице. Падали звёзды. Подсолнечник слегка покачивал своими большими, уже созревшими шляпками.

Митя шел впереди, остальные цепочкой за ним.

– Вот здесь будем искать. – Митя остановился.

Ване Полухину повезло первому. Наткнувшись на что-то твёрдое и холодное, Ваня встал.

– Винтовка! – радостно шепнул он.

Нашли по винтовке Коля Заглодин и Павлик Сергиенко. Кто-то вскрикнул.

– Что случилось?

Митя бросился на крик. На дне окопчика лежал его брат Коля.

– Ты что? – спросил Митя.

– Споткнулся об чего-то.

Митя пошарил руками.

– Ребята, здесь пулемёт!

Ребята подняли и понесли пулемёт.

– Коля, идти можешь?

– Больно.

– Держись за меня, – Митя обнял братишку и вывел с бахчи.

Только позднее разглядели, что пулемёт разбит. На дороге показалась машина.

– Скорее в посадку!

Машина приблизилась. В ней сидели два немца и несколько человек в кузове. Свет фар скользнул по деревьям. Ребята ещё плотнее прижались к земле. Машина проехала.

– А я испугался, когда свет упал на нас, – сознался Ваня Полухин.

Утром Саша Землянухин записал в своем дневнике:

13 августа. Результат ночной вылазки: три винтовки и один раненый – Коля Сергиенко. Кажется, вывихнул ногу. Пулемёт оказался разбитым. Пришлось выбросить. Мать бранилась: «Шляешься по ночам, хочешь, чтобы тебя, как собаку вздернули?»

Я ответил, что ходил на рыбалку. Мать с сомнением покачала головой: «А где же рыба?»

15 августа. Немцы назначили Шершнева старостой. В полицаи пошли Акулов, Бражников, Лизунов. Мать говорит, что Шершнев был когда-то, кулаком. Сейчас ходит по станице в своей лохматой шапке, страшный, как чёрт. Кажется, он ненавидит всех нас больше, чем немцев.

17 августа. У Коли Сергиенко всё болит нога. Вместо него ходила с нами искать оружие Маруся Симонова. Она дружит с Митей Сергиенко. Митя сказал, что ручается за неё, и ей можно доверять больше, чем любому парню. Сегодня нашли 3 винтовки и много патронов.

18 августа. Заходил Шершнева с полицаями. «Пойдёшь на ферму работать», – обратился он к матери. Мать ничего не ответила.

– Что молчишь? – и староста ударил её.

– А ты что волком смотришь? – повернулся он ко мне, – в поле пойдёшь работать! Смотри, если что – убью!

У него страшные глаза. С такими глазами только убивать, почему я раньше не замечал этого? Наверно, потому, что они прятались под густыми бровями.

На работу пришли Коля Заглодин, Митя Свиридов, Митя Сергиенко, Коля и Вася Федоренко. Митя Свиридов и Коля Заглодин заявили:

– На немцев всё равно работать не будем.

Они подрезали упряжь. Приехал Шершнева, увидел, что упряжь подрезана, стал избивать Митю и Колю. Когда Шершнева уехал, мы отвезли Колю и Митю, так как они не могли двигаться...

На этом дневник Саши прерывается.

В станице начались аресты. Арестовали и мать Коли Заглодина. Она была коммунисткой.

Коммунистов долго мучили и, наконец, расстреляли. Тела убитых бросили в бассейн с водой. С теми, кто подойдет к бассейну, грозили расправиться.

Коля знал, что он больше никогда не увидит свою мать, ему хотелось заглянуть в бассейн и увидеть её, хотя бы мертвую...

– Я всё равно убью Шершнева, это он мучил и убил её! – сдерживая рыдания, говорил Коля.

– У нас есть винтовки, будем учиться стрелять, а потом перебить всех фашистов и полицаяев в станице, – успокаивал Митя Сергиенко.

Ночью стали разгребать землю, вытаскивать винтовки и сносить в лодку. Потом все уселись в лодку и стали грести к противоположному берегу.

Лодка толкнулась в песчаный откос. Вошли в лес. Спрятали оружие. На следующую ночь нашли в лесу мертвого бойца, похоронили его. Учились собирать и разбирать оружие. Потом убили 8 немцев, купающихся в реке Лабе.

В станице немцы подняли переполох. Стали простреливать лес. Жителям Воздвиженской строжайше запретили показываться вечером на улице.

Всё же Саша Землянухин вышел, чтобы увидеть Митю Сергиенко. Его задержали ночью и доставили в полицейский участок. В карманах его брюк обнаружили дневник. На следующий день арестовали всех: Митю, Павлика и Колю Сергиенко, Васю Федоренко, Колю Заглодина, Марусю Симонову. Из станицы их повезли на допрос в станицу Лабинскую. Из Лабинской снова в станицу. Опять били, допрашивали. Утром увезли из станицы на расстрел.

Из плена бежал только брат Коли Заглодина, Александр Рулев, которому Коля рассказал о спрятанном оружии.

27 января 1943 года станица Воздвиженская была освобождена Красной Армией. Освободили её воины 223-й стрелковой дивизии.

После войны останки юных героев перенесли в станицу Воздвиженскую и похоронили в братской могиле вместе с расстрелянными коммунистами.

На могиле воздвигнут памятник. На высоком постаменте стоит советский воин. Он словно клянётся народам всего мира, что не придет больше на мирную землю война. Он не допустит, чтобы обезумевшие палачи убивали безвинных людей.

Публикуется по: Дневник предоставлен учащимися и педагогами ЧОУ СОШ «Развитие» г. Армавира.

Фрагмент статьи опубликован в: Шамова Н. Ничто не будет забыто, никто не будет забыт // Курганские известия. – 2018. – 8 мая.